

НОВАЯ ВЕРСИЯ

Мадлен
Лево-Фернандез

Хелена Рубинштейн

Императрица Красоты

Мадлен Лево-Фернандез
Хелена Рубинштейн.
Императрица Красоты
Серия «Новая версия (Этерна)»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23596603

Хелена Рубинштейн. Императрица Красоты: Этерна; Москва; 2017

ISBN 978-5-480-00333-8, 2-08-068258-X

Аннотация

Биография Хелены Рубинштейн, выдающейся женщины-предпринимательницы, основавшей «с нуля» глобальную империю красоты, настоящего первопроходца в бизнесе и косметологии. Созданная ею марка Helena Rubinstein до сих пор остается синонимом безупречного качества и популярна во всем мире. Как удалось небогатой провинциальной еврейской девушке стать знаменитой Мадам, рассказывается в этой увлекательной книге. На русском языке издается впервые.

Содержание

От автора	5
Глава 1. Семья	10
Глава 2. Прощание с Польшей	24
Глава 3. Австралия	39
Глава 4. Приключения начинаются	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Мадлен Лево-Фернандез Хелена Рубинштейн. Императрица Красоты

Madeleine Leveau-Fernandez

Helena Rubinstein

© Editions Flammarion, 2003

© М. С. Кленская, перевод, 2017

© Палимпсест, 2017

© ООО «Издательство «Этерна», оформление, 2017

От автора

Женщинам третьего тысячелетия посчастливилось иметь под рукой бесчисленное количество средств, чтобы излечивать раны, нанесенные временем, – от косметики, творящей чудеса, до пластической хирургии. Но так было не всегда. Благодарить за все это разнообразие нужно Хелену Рубинштейн, женщину, стоявшую у истоков современной косметологии.

Хелена Рубинштейн любила говорить журналистам, приходившим брать у нее интервью, что интересная ложь всегда лучше скучной правды. Верная этому принципу, она всю жизнь создавала собственную легенду, рассказывая разные, часто непохожие друг на друга истории своей жизни. Что-то в интервью журналистам или в книге «Жизнь за красоту», которую можно назвать ее мемуарами, а что-то – своему последнему секретарю Патрику О’Хиггинсу. Понравился бы ей роман Поля-Лу Сулицера «Ханна»¹? Вдохновленный невероятными историями из ее жизни, писатель создал еще одну легендарную героиню, новую польскую Скарлетт О’Хару... Показалась бы ей эта версия своей судьбы интересной? Несомненно.

¹ Сулицер, Поль-Лу (род. в 1946 г.) – популярный французский писатель, автор серии бестселлеров в жанре «экономического детектива». Роман «Ханна» написан в 1985 г. (Здесь и далее, если не оговорено особо, примечания редактора.)

Но как отличить ложь от правды, фантазии и небольшие преувеличения – от реальности? Кем на самом деле была Хелена Рубинштейн?

В мире существует очень много биографий известных модельеров, но никто пока не писал о людях, создавших современную науку о косметике. А между тем Хелена Рубинштейн совершенно изменила образ женщины своего времени. Эта волевая, авторитарная, увлеченная наукой дама была провидцем и первооткрывателем почти всего, на чем основана сегодня косметология. Именно она изобрела современную косметику и саму идею института красоты – не больше и не меньше! При этом ничто в жизни этой девочки, родившейся в 1872 году в Кракове в семье обедневшего буржуа и ставшей потом австралийской эмигранткой, не располагало даже к мечтам о тех вершинах, которых она добилась! Ее называли императрицей косметики, созданные ею новаторские кремы завоевали Европу и Новый Свет. Что же вдохновляло ее, не давало опустить руки и питало самые дерзкие замыслы? Желание показать семье, на что она способна.

Хелена Рубинштейн жила только работой, иногда даже в ущерб собственной личной жизни. Она постоянно искала новое и охотилась за открытиями. Конечно, не все изобретения в косметологии принадлежат ей, но она постоянно находилась в центре всех событий в мире косметики и никогда не пропускала ни одного новшества! Это именно она стала первой в мире выпускать водостойкую тушь с эффектом

удлинения и утолщения ресниц – сначала *Waterproof*, а затем *Mascaramatic*; ей принадлежит идея создания крема на основе молочных продуктов; впервые в ее средства по уходу за кожей стали добавлять ферменты и витамины; она ввела в моду диеты; и, наконец, именно она, намного опередив свое время, открыла косметический салон для мужчин, где использовались средства, специально разработанные для мужской кожи.

Для Хелены Рубинштейн красота и наука были нерасторжимы. Даже в самом начале своей карьеры она работала с химиками, и все ее новые продукты тщательнейшим образом тестировались в лабораторных условиях. Она первой из косметологов стала использовать электричество и гидротерапию в уходе за телом и лицом. Эта польская эмигрантка из скромной семьи перевернула все представления современного ей мира об эстетике и физической красоте, отстаивая простую и гениальную идею – «о себе надо заботиться». «Яркий густой макияж похож на маску, за которой прячется лицо, как старая стена под штукатуркой. Сегодня мы идем войной на трещины в этой стене!» – писала она.

Политические бури и исторические катаклизмы заставляли ее покидать страну, где она жила, и возвращаться на континент. Она умела делать так, что все эти неудобства превращались в новые возможности и завоевание новых рынков. В итоге она возглавила огромную финансовую империю, став первой женщиной своего времени, которая смогла проник-

нута в мужской деловой мир. Ее успех можно сравнить только с положением Элизабет Арден, вечной ее соперницей в Соединенных Штатах.

Обладая удивительным вкусом и способностью открывать таланты не только в мире моды, но и в искусстве, Хелена Рубинштейн собрала прекрасную коллекцию современного искусства, скульптуры, миниатюр и народного творчества. Ее всегда вдохновляли поиски красоты во всем, что ее окружало.

У нее был оригинальный и сложный характер. Описать его непросто, тем более что свидетелей ее жизни почти не осталось, а воспоминания оставили немногие. Мне посчастливилось познакомиться с двумя людьми, чьи рассказы – словно самые важные ключи – позволяют открыть потайные двери ее жизни и найти золотую середину между мифом и реальностью.

Итак, Сильвия Бедхе. Она исполняла такую важную часть работы во французском филиале компании, что ее можно назвать правой рукой Хелены Рубинштейн во Франции. Сильвия Бедхе многое мне рассказала, создав свой портрет глазами коллеги и соратницы.

Лилит Фасс (до замужества Крудовска), внучатая племянница Хелены, позволила мне проникнуть в личные и профессиональные отношения Мадам (так ее называли за глаза) с семьей. Это сложная и никому не известная история.

Книга, написанная ее последним секретарем Патриком

О'Хиггинсом в 1971 году – «Мадам, или В золотом аду Хелены Рубинштейн», – тоже очень помогла мне, даже несмотря на то, что хронология событий там часто нарушается. Но он прожил бок о бок с ней последние четырнадцать лет, и Хелена многое откровенно рассказывала Патрику, заменившему ей погибшего сына.

Мне посчастливилось получить доступ к архивам фонда Хелены Рубинштейн, благодаря генеральному директору международного отделения Филиппу Вильмюсу. Содержимое архивных папок позволило лучше понять эту женщину, чья личная жизнь всегда была неразрывно связана с работой.

Написав эту книгу, я попыталась по мере сил нарушить несправедливое молчание, которое до сих пор окружало путь человека, посвятившего себя красоте других. Я придала ее легендарному образу реальные черты, отдалив его насколько возможно от мифов, которые всю жизнь создавала вокруг себя самой Хелена Рубинштейн.

Мадлен Лево-Фернандез

Глава 1. Семья

Вначале была Польша. Происхождение – одна из важнейших деталей, давших толчок удивительной судьбе Хелены Рубинштейн. Когда она много лет спустя вспоминала первые годы своей жизни, то говорила, что культурные корни сыграли главную роль в ее судьбе.

Привольные холодные равнины Польши всегда были яблоком раздора между славянами, германцами и скандинавами. Но русские столько времени владели страной, что королевство Польское практически исчезло за одно столетие, превратившись в Привислинский край Российской империи или в Привислинские территории.

В конце XIX века Краков был тихим, почти средневековым городом. Если бы эта часть Польши, отданная Австро-Венгрии, меньше страдала от соседства русских, экспатриация не стала бы неотъемлемой частью польской культуры. Самые консервативные семьи древнего королевского города всегда чувствовали неизбежность изгнания.

Польша всегда была раздираема на части завоевателями, но сохраняла сильную привязанность традициям. Поляки, уехавшие за границу, тем не менее не теряли связи с культурой своей родины. Позднее Хелена скажет, что именно это позволило ей так легко освоить обычаи и образ жизни двух континентов, на которых расцвела ее карьера, – Европы и

Америки.

Краков был назван в честь легендарного польского героя Кракуса, предводителя славянского племени вислан, положившего начало династии Лехов в конце XII века. Ему же приписывается и основание города – он построил первый форт на холме Вавель на левом берегу Вислы. Долгое время город был древней столицей Польши и играл важнейшую роль в жизни страны. С XVI века он был одним из центров промыслов, торговли, искусства и науки в Европе. За его готическими стенами построены многочисленные храмы, дворцы и музеи, а над ними царит замок Вавеля – королевской резиденции и усыпальницы.

С того времени город почти не изменился. В нем по-прежнему сохраняется средневековый дух: лабиринт узких улочек окружает знаменитую Главную рыночную площадь с башнями XIV и XVII веков, галереей крытого рынка, восстановленного в начале XVI века. Его украшают множество древних готических костелов. Рядом находится Ягеллонский университет, основанный в 1364 году, где учился Николай Коперник. Именно в Кракове в 1473 году было положено начало книгопечатанию в Польше.

Хелена родилась вечером 25 декабря 1872 года и была первым ребенком Рубинштейнов. Это была семья почти уже разорившихся буржуа, чье имя все еще пользовалось уважением. В 1870 году дела у них уже шли скверно, но так было не всегда. Дед Хелены по отцовской линии владел в Галиции

нефтяными скважинами и имел долю от дохода нескольких угольных шахт. Краков был столицей этой провинции, ее административным и коммерческим центром: город все время развивался и рос. К тому же он находился в центре индустриального региона, жившего за счет добычи полезных ископаемых. Дед Хелены принадлежал к тем промышленникам, которые быстро сделали состояние на добыче угля и нефти. В его круг входили также многие музыканты, ученые и врачи. Родственники с материнской стороны, принадлежавшие к семейству Зильберфельд, были известными банкирами.

Супруги Рубинштейн могли бы и не помышлять о материальных проблемах, но отец Хелены, человек очень образованный, не мог вести жизнь дельца. Очень скоро его странный характер стал причиной их полного разорения. Он стал заниматься коммерцией – экспортировал разные товары, и не без выдумки, по словам самой Хелены. Он продавал все и импортировал любые продукты – от куриных яиц до рыбы.

В большинстве биографий Хелены Рубинштейн, опубликованных в Европе, дата ее рождения – 25 декабря 1870 года. В своей книге «Мадам» Патрик О’Хиггинс называет другую дату – 25 декабря 1872 года. Он был ее личным секретарем, и можно предположить, что часто держал в руках ее паспорт и именно его версия – правильная. Кроме того, если считать датой ее рождения 1870 год, как утверждала сама Хелена, то возникают некоторые биографические несоответствия. (Я лично склоняюсь к 1872 году. – *Прим. авт.*)

Польша в XIX веке довольно быстро перешла от эпохи ремесленников к промышленному буму, но Краков хранил традиции средневекового торгового города. Его промышленный спутник, Нова-Хута, находится от него примерно в двенадцати километрах. Большая дорога, своеобразный кордон, подобно пуповине связывает город-мать с промышленным дитя, но держит его на расстоянии. Горожане предпочитают такой вариант соседству старого Кракова с заводами и промышленными поселками.

Позже Хелена будет говорить, что удивительная нежность отца находила опору даже в противоречиях его собственного характера. Он был одновременно коммерсантом и мечтателем, дельцом и художником, авангардистом и консерватором, способным отвечать самым пылким движениям сердца и самым суровым приказам разума. У него был быстрый и пытливый ум, и он питал неутолимую страсть к искусству, которую передал старшей дочери. Именно ему она обязана своим необыкновенным вкусом к роскоши и красоте – недаром она стала впоследствии увлеченной коллекционеркой.

Хелена родилась во время кровавых восстаний. Польша, пережив три раздела (между Пруссией, Россией и Австрией), после 1795 года как самостоятельное государство исчезла с карты Европы. Но поляки не оставили надежды на восстановление своей независимости. Каждое новое поколение или присоединялось к противникам держав, разделивших Польшу, или поднимало восстание. В 1863 году вспыхнуло второе

восстание против России (первое восстание поляки подняли в 1830 году), которое потерпело поражение.

Провалы этих освободительных порывов пригласили романтический пыл не только известных тогда писателей – например, Словацкого или Мицкевича, но и «Неизвестного поэта Польши», настоящее имя которого было Сигизмунд Красинский. Он прожил всю жизнь во Франции и Италии и отказывался подписывать свои произведения, потому что его отец, служивший генералом в русской армии, был ненавистен полякам. Теперь, под давлением реальных фактов, писатели заговорили о растерянности повстанцев, нищете крестьян, разорении аристократии. Но при этом идеализированная картина времени видна в творчестве таких авторов, как Генрик Сенкевич, который сам был сыном знатного землевладельца. Позитивизм и проза модерна открыли путь новой литературе, чьим достойным представителем был, например, Адольф Дыгасинский².

Горацию Рубинштейну нравился германо-славянский дух Польши в этот период постромантизма, взлелеянный героическим прошлым, и он любил этот древний город королей, его жизнь и искусство. Именно эта любовь породила в нем страсть к старинным вещам, которыми владели многие поколения.

Благодаря отцу маленькая Хелена открыла для себя мир

² Дыгасинский, Адольф (1839–1902) – польский писатель, участник восстания 1863 года, выдающийся представитель художественного реализма.

искусства. Восхищение физической красотой вызывала в ней внешность матери, Августы Рубинштейн, на которую она была очень похожа. Каждую неделю соседки приходили помогать делать ей прическу. Девочка, сидя у ног матери, наблюдала за ее туалетом, а потом позволяла причесать и себя. Августа уступала ей свое место и разрешала насладиться тем, как умелые руки нежно моют волосы и укладывают их в сложную прическу. Эти первые косметические процедуры в ее жизни, конечно, запомнились Хелене.

Остается загадкой, было ли правдой то, о чем она рассказывала много позже: якобы ее родители и сестры придерживались ортодоксального иудаизма, и мать, как все замужние еврейские женщины, носила парик. Истории ее детства весьма противоречивы, и неспроста она говорила в интервью журналистам, что интересная ложь гораздо лучше скучной правды!

Благодаря очарованию Августы в доме царила атмосфера нежности и спокойствия, которая сочеталась с отцовской строгостью. «Она была одной из тех польских женщин, в которых Шатобриан видел соединение одалиски и валькирии», – напишет потом Хелена³.

У этих так непохожих друг на друга супругов родились десять детей, но выжили восемь дочерей: Хелена, Полина, Роза, Регина (мать Малы, которая сыграет важную роль в профессиональной жизни Хелены), Стелла, Цеска, Манка и

³ *Helena Rubinstein. Je suis Estheticienne. Editions du Conquistador, 1957, p. 18.*

Эрна. Когда родилась седьмая сестра, Хелене едва исполнилось десять. В старом большом доме, заполненном антиквариатом, безделушками и запыленными старинными фолиантами, бегали восемь девчонок, даря ему свои игры, смех, плач и крики. Хелена начала помогать матери вести хозяйство очень рано и стала посредником между властными родителями и проказливыми младшими сестрами. Вот она – неблагодарная роль старшей сестры! «Быть старшей из восьми дочерей – ответственность не по летам! Это значит нагрузить себя огромным количеством обязанностей, о которых в таком возрасте даже не думают, а просто играют в куклы!» – признавалась она⁴. В двенадцать лет она настояла на том, чтобы взять на себя работу экономки. Она занималась покупками, выбирала ткани и белье для дома – у нее был врожденный вкус к качественным вещам. Она даже попыталась установить некоторые правила ведения дел для отца, что было, вероятно, очень непросто.

Несмотря на финансовые сложности, впрочем весьма относительные, Рубинштейны были в прекрасных отношениях с буржуазией Кракова и несколькими аристократическими семьями, которые в свою очередь были почти разорены во время мятежей 1863 года, но продолжали жить в роскошных замках. Хелене нравились торжественные визиты в эти огромные дворцы, где сохранялось все их великолепное убранство – персидские ковры, причудливая мебель из Кон-

⁴ *Helena Rubinstein. Je suis Estheticienne. Editions du Conquistador, 1957, p. 20.*

стантинополя, витринные шкафы с драгоценной посудой и медальонами чеканного серебра, которые переходили от поколения к поколению.

Иногда вся семья участвовала в больших праздниках, во время которых танцевали полонез. Мужчины надевали традиционный костюм – парчовый кафтан, подбитый собольим мехом, украшенный драгоценными камнями. На поясе сверкал дамасский клинок... На столь блестящем празднестве обходились самым простым угощением, и это все принимали с юмором. На роскошно убранный стол подавали только флакис (потроха), бигос (кислую капусту), маринованную в уксусе капусту и, конечно, картошку и колбасы. Пекли много видов хлеба, даже черный хлеб из ржаной муки.

Зимой всегда ели супы. Хелена обожала *zupa grzebowa* из сухих грибов в бульоне, с маслом, солью, мукой, сметаной и молоком и *barszcz* – польский вариант украинского борща. При этом она испытывала настоящее отвращение к *czerna* – по-видимому, самому специфическому блюду, которое невозможно представить себе на столе западного замка. Его готовят на бульоне, в котором варят рис или лапшу, и под конец добавляют немного свежей крови...

В дни поста всегда ели пресноводную рыбу – форель, щуку и карпа из польских водоемов. Многочисленные рыбные блюда всегда готовились с большим количеством лука и перца.

Иногда семья Рубинштейн ходила в гости после обеда –

тогда пили *herbata* – разновидность очень крепкого чая, который подавали в стаканах и пили в огромных количествах в любое время суток.

* * *

Вкус к редкостным картинам, мебели и украшениям, который Хелена культивировала в себе всю жизнь, был воспитан в детстве. «Постоянно находиться в окружении произведений искусства – это то же самое, что заботиться о своем внешнем виде. Только здесь речь идет о красоте и здоровье внутреннем. В идеале эти две стороны жизни и должны питать вдохновение и талант», – скажет она потом.

Конечно, Краков – город очень богатый памятниками прошлого. Хелена жила в самом сердце польского искусства. Когда она, держа Горация за руку, пересекала огромную, в сорок тысяч квадратных метров, Главную рыночную площадь, окруженную со всех сторон старинными зданиями, из которых даже самые скромные имели историческую ценность, ее взгляду постоянно открывалось вокруг нечто прекрасное. Она привыкла жить в красоте. А вот далекое от диетического меню и частые визиты в лавку *delikateru* (сладостей и выпечки), которые так любили во времена ее детства, стали причиной того, что в книгах, посвященных красоте, Хелена Рубинштейн настаивает на употреблении исключительно легкой пищи.

Хелена многим обязана образованности отца, а ведь Гораций интересовался не только прошлым. Увлечение современной польской, французской и итальянской литературой способствовало некоторому либерализму суждений. Во Франции тогда театральное искусство пришло в упадок, но литература процветала, хотя и была подвержена влиянию изменчивой действительности – жанр романа оставался самым популярным. Творчество Мопассана иллюстрирует ярким образом эту приверженность натурализму, которому все постоянно пророчили конец. Эмиль Золя публикует большой труд, многотомную серию романов «Ругон-Маккары», невозможно не заметить гений Флобера, Гюисманса, Гюго, рассыпающего последние искры своего таланта, и только что появившегося в литературных кругах Альфонса Доде. В Италии же литература переживала кризис. Итальянское общество осознало, что произведения с романтическими сюжетами уже неинтересны. Под влиянием позитивизма и натурализма появляется новое литературное направление веризм (*verismo*) во главе с Джованни Верга. В конце века новые идеи бурлят по всей Европе, и Гораций Рубинштейн погружается в них с головой. Его страсть к литературе, искусству и философии повлияла на увлечение дочери последними научными открытиями, а много позже – на ее интерес к тем формам искусства, которые не всегда понимали современники.

* * *

Первым детским косметическим опытом для маленькой Хелены стали сеансы у парикмахера, а вторым, впрочем, совершенно случайно, — знакомство с кремом для лица. Этот крем привезла часто их навещавшая подруга Августы, актриса Модеска, очень популярная в то время. Модеска пользовалась уникальной мазью, составленной специально для нее венгерским химиком, профессором Якобом Ликуски: это была смесь трав, миндального масла и экстракта древесной коры. Модеска обычно привозила несколько баночек в подарок, когда приезжала в гости. По вечерам, когда Августа приходила поцеловать дочерей на ночь, она проверяла, не обветрились ли у них лица, если погода была ветреной или шел снег. Мать нежно втирала немного крема в их покрасневшие щеки. «Это сделает вас еще красивее, — шептала она, обнимая девочек, — а быть красивой — значит быть женщиной».

* * *

Наследство было большей частью растрчено, и Гораций Рубинштейн решил заняться экспортной торговлей, чтобы поддерживать достойный достаток семьи: нужно было вос-

питывать и обучать восьмерых дочерей. Вечера в их большом доме, где топились высокие изразцовые печи и масляные лампы освещали трепещущим светом комнаты, обычно проводили в разговорах о его рискованных предприятиях. Непостоянный характер Рубинштейна был причиной того, что дела принимали угрожающий оборот.

Хелена очень рано заинтересовалась отцовскими делами. Гораций ревностно заботился о ней, потому что она была первенцем и потому что у нее был взрывной и дерзкий мальчишеский характер. Он делился с ней всеми своими идеями, размышлениями и сомнениями. Хелена всегда прекрасно разбиралась в математике, поэтому именно она стала просчитывать окупаемость каждой сделки. Девочка очень гордилась доверием отца. «Его доверие, которого я стремилась быть достойной, открыло моему воображению огромный мир возможностей и успеха. Это очень отличалось от маленького женского мирка, где я уже всем управляла». Ее предпринимательский дух проявился уже тогда, и вся ее жизнь и мировоззрение были с тех пор ориентированы на достижение успеха.

Однажды Гораций, который должен был отправиться на важную деловую встречу, внезапно заболел. Поскольку отменить встречу было уже нельзя, Хелена предложила поехать вместо него. Нужно было выдержать довольно долгое путешествие на поезде, что для того времени было настоящим приключением. Поначалу родители немного смути-

лись, но в конце концов согласились, отправив с девушкой старого слугу. Прямо перед отъездом Августа шепнула ей на ухо: «Ты сможешь выкрутиться, только если будешь внимательно слушать и мало говорить». Этот совет, которым она воспользуется еще не раз, когда станет взрослой, в тот день был решительно отвергнут. Приехав на место, она очень уверенно изложила отцовскую точку зрения на все вопросы и вернулась в Краков, заключив сделку. А ведь ей было всего шестнадцать! Удивленная собственной дерзостью, Хелена испытала восторг победы и незнакомое до сих пор удовлетворение от успеха в делах.

Вдохновленная первой удачей, она повторила этот опыт и позже, на этот раз спасая отца от финансового краха. Гораций Рубинштейн собирался закупить в Венгрии огромное количество свежих яиц. В то время холодильники не использовались, поэтому яйца надо было продать сразу после разгрузки в Кракове. Опасность заключалась в том, что груз прибывал в город после долгой дороги накануне четырех праздничных нерабочих дней. Было лето, и от жары вагоны поезда превращались в настоящие печки. В отчаянии, Гораций уже был готов к появлению тысяч цыплят, прекрасно понимая, что надеяться на изменение расписания общественных служб из-за прибытия его груза бесполезно.

Хелена тогда решила сама отправиться на переговоры с начальником вокзала. Когда она высказала свое намерение в конторе, служащие не смогли сдержать насмешливых ухмы-

лок. Как молоденькая девчонка могла даже предположить, что ее примет столь важная особа, как господин директор железной дороги! Хелена так никогда и не узнала, почему он все-таки сделал это. Она стала просить за своего несчастного отца, который будет просто раздавлен такой финансовой потерей!

– На кону все состояние нашей семьи, господин директор.

– Правила есть правила, милочка.

– Я просто отказываюсь поверить, что такое цивилизованное и развитое государство, как Австро-Венгрия, навязывает стране, оказавшей ей доверие, столь строгие административные ограничения.

– Но лично я ничего не могу сделать. Мне очень жаль...

– Какое разочарование, господин директор! Как и все в Кракове, я принимала вас за человека, обладающего огромной властью, инициативного и прогрессивно мыслящего. Я, конечно, ошибалась. Всего доброго, господин директор.

Эти слова стали решающими и заставили директора попытаться доказать, что некоторыми возможностями он все-таки располагает. Он дал необходимые указания, и Краков был обеспечен свежими яйцами все четыре праздничных дня. Состояние Рубинштейнов было спасено!

С ранних лет Хелена пользовалась любой возможностью, чтобы добиться желаемого. В этом проявлялись упорство и энергичный характер, которыми она славилась всю жизнь.

Глава 2. Прощание с Польшей

Властный характер Хелены часто был причиной конфликтов с семьей младшими сестрами, которые называли ее за спиной «орлиный глаз», потому что она дотошно следила за всем, что происходит в доме. Но если характер у нее был сильный, то физически она выглядела очень нежной и мягкой. В десять лет она была изящной и маленькой. Нежное личико, на котором сияли огромные мечтательные глаза, обрамляли пышные черные кудри. Она напоминала Мадонну Эль Греко... Осанка у нее была безупречная – она всегда ходила гордо выпрямившись, и становилось ясно, что перед вами человек редкой силы воли и стойкости.

В юности ее наперсницей и доверенным лицом стала кузина Азария⁵, с которой они вместе выросли. Один из братьев матери, Луи Зильберфельд, женился на польке, которая умерла во время родов. Дядя Луи, стремясь изжить свое горе, покинул Краков. Дочку он оставил Рубинштейнам – одной девочкой больше, одной меньше... Азария была ровесницей Хелены, и они прекрасно ладили.

Вдалеке от Польши, на другом краю света, в Австралии, билось для них родное сердце – Луи Зильберфельд с младшим братом купили там небольшое ранчо. Довольно быст-

⁵ Это имя – вымышленное, настоящее имя кузины выяснить не удалось. – *Прим. авт.*

ро братья сколотили состояние, разводя овец. Брат Августы, убедившись, что средств на воспитание дочери у него теперь достаточно, написал сестре письмо с просьбой прислать к нему Азарию. Для девочек эта разлука стала настоящим испытанием. С тех пор Хелена и Азария постоянно писали друг другу письма, и рассказы об Австралии будоражили воображение сестер Рубинштейн, но особенно они волновали Хелену. Австралия стала для нее волшебной страной, а дяди Зильберфельды занимали почетное место двух Буффало Биллов⁶!

* * *

Шли годы, и для Хелены настало время всерьез подумать об образовании. Она была энергичной смышленной девочкой и потом превратилась в волевою и решительную девушку, которая нисколько не сомневалась в своем предназначении, переступая порог Краковского университета, самого уважаемого учебного заведения в Польше. На традиционный вопрос отца «Кем ты хочешь стать?» она без колебаний ответила: врачом.

– Ну что ж, тебе решать. Без сомнения, это почтенное занятие, но знаешь ли ты, сколько усилий потребует от тебя

⁶ Буффало Билл (1846–1917) – американский военный, охотник на бизонов, который устраивал популярные зрелища «Дикий Запад», воссоздающие картины из быта индейцев и ковбоев.

эта работа?

– Возможно, именно это меня и привлекает больше всего.

– А ты уверена, что это подходящая карьера для женщины?

Но Хелена не желала отступать: она будет врачом. В конце концов Гораций не без удовольствия признал, что дочь настроена решительно. Идеи феминизма только-только появились тогда в Англии и до старого консервативного Кракова еще не дошли, но он уже многое знал о новых веяниях. Его свободолюбивая натура не противилась этим идеям, и он не стал чинить устремлениям Хелены никаких препятствий.

Начиная учебу в университете Кракова, девушка не сразу поняла, что переоценила свои силы. Первые теоретические курсы шли хорошо, но все стало ясно на первом же практическом занятии в операционной. У нее не осталось никаких сомнений в своем будущем: при одном лишь виде крови она сразу же упала в обморок. От запаха антисептиков ее тошнило, но она упорно продолжала занятия. Однако вскоре пришлось признать очевидное: учебу необходимо прекратить.

Но отступать было не в характере Хелены. В университете она познакомилась с молодым человеком, который тоже учился на врача, и скоро стало ясно, что она ему небезразлична. Пылкий юноша вообразил, что она отвечает на его чувства, и вскоре стал убеждать Хелену, что есть средство достичь своей цели, стоит просто пойти другим путем. Она не переносит вида крови и запаха антисептиков, и это ме-

шает ей стать врачом, но совершенно не препятствует тому, чтобы стать женой врача! Ее страсть к науке и живой ум — идеальные качества, чтобы стать такой женой, которая способна помочь своему мужу в работе, участвовать в исследованиях и вдохновлять на открытия. Молодой человек был в восторге от своих планов!

Однако их не разделяли Гораций и Августа. Они считали, что дочь еще слишком молода, к тому же сам юноша только начал учиться. Несмотря на более или менее романтические устремления, молодые люди так ни на что и не решились. В любом случае, в то время было немыслимо пойти против воли родителей.

* * *

Было решено разлучить молодых людей и отправить Хелену куда-нибудь из Кракова. Девушка сначала не хотела уезжать и воспринимала свой отъезд как наказание. И все же позднее, когда легенда о безнадежной любви перестала занимать ее, она призналась, что в глубине души вовсе не была против этого дерзкого плана, так отвечающего желаниям ее неустрашимой натуры. Покинуть насиженное место и уехать! Она говорила потом, что, хотя сердце ее было разбито, она не очень противилась этому решению и только из принципа возражала против увлекательного путешествия. Через какое-то время, раздумывая над предстоящим

приключением, она поняла, что все происходящее ей нравится.

В конце концов она притворилась, что согласна с мнением родителей – лучше отдалиться от молодого студента и быстрее забыть его несбыточные мечты. Была и еще одна причина, которую она хотела открыть родителям: Хелена надеялась, что это путешествие приведет ее в Колерен, маленький австралийский городок, где находилось ранчо дяди. Тогда она снова встретится с милой кузиной Азарией!

Такое дерзкое путешествие было непередаваемо увлекательным приключением для девушки ее лет! Это происходило в 1891 году, когда Хелене исполнилось девятнадцать. Стоимость такой поездки исключала всякую возможность взять с собой компаньонку, и ей пришлось ехать одной. Мать продала несколько драгоценностей, и приготовления к отъезду начались.

Августа была заботливой матерью, и ей хотелось, чтобы дочь увезла что-нибудь на память о ней: собирая чемодан Хелены, она положила туда несколько баночек крема Модески. Августа наказала дочери беречь нежную кожу – жгучее тропическое солнце и ветра Индийского и Атлантического океанов не щадят лицо. Хелена, конечно, молча все выслушала, но мысли ее уже были далеко. Она с нетерпением ждала отъезда как начала своей настоящей жизни.

Наконец этот день наступил.

Но внезапно в самый последний момент разразилась драма, поставившая путешествие под вопрос. Августа объявила, что не может отпустить свою девочку так далеко одну. Не смея открыто признаться матери в страстном желании уехать, Хелена решила поговорить с Горацием. Он очень спешил отправить дочь подальше от назойливого студента и надеялся, что Австралия станет для нее началом новой жизни. Наконец ему удалось убедить Августу, и она согласилась отпустить дочь при условии, что они будут сопровождать ее до Бремена. Решено! Поручив семь младших дочерей заботам старой тетушки, родители отправились с Хеленой до немецкого порта на Северном море, откуда она должна была продолжать путь уже одна.

Волоча за собой чемодан вдвое больше ее самой, Хелена в сопровождении родителей еле-еле забралась в вагон. Сумма, вырученная за украшения, не позволяла ехать первым классом, но на поездку в вагоне второго класса денег хватало. Комфортность второго класса, конечно, вполне относительна, но там можно было сидеть и не толкаться, как скот в загоне. Раздался гудок, из трубы паровоза повалил дым и закутал перрон. Поезд тронулся.

Первая остановка была в Берлине, путь туда занял четыре дня. Путешествие показалось слишком долгим Хелене, которая уже совсем не жалела о присутствии родителей. В окне поезда мелькали города, поля, горы... и снова города, поля, горы... Несмотря на снедавшую ее скуку, девушка наслаждалась этими видами – так далеко она еще никогда в жизни не ездила.

Как-то всех пассажиров попросили выйти из вагона. Они вытащили багаж и встали рядом с рельсами. Августа, Хелена и Гораций сидели на своих сумках, поджав ноги, обняв колени руками и не смея глядеть по сторонам. Люди вокруг кричали, громко плакали дети... Человек, сидевший рядом с ними, оказался бывалым путешественником и объяснил, что в поезде закончилась вода. «Придется подождать часа два-три, пока в резервуары не зальют воду», – сказал он.

Наконец был дан сигнал возвращаться в вагон. Началась ужасающая давка, но в итоге все расселись по местам со своим багажом. Ободренные Рубинштейны радостно переговаривались, переводя дух.

Но вот поездка, казавшаяся им бесконечной, все же завершилась. Поезд прибыл в Берлин. Хелена была в восторге, да и ее родители, хотя и старались не показывать вида, были потрясены. Стеклопанная крыша вокзала показалаась им выше

костела Краковской Божьей Матери. Повсюду разъезжают, тархтя, автомобили на паровых двигателях, везде полно народу! Шум, дым, гам, толкотня...

Когда прошел первый восторг, Рубинштейны осознали, что им придется провести здесь два дня и одну ночь, прежде чем они сядут на поезд до Гамбурга. Денег, вырученных за украшения, не хватало на гостиницу, и им пришлось ночевать на переполненном вокзале. Это была, возможно, самая длинная ночь в жизни Хелены. Дым от дешевых сигарет смешивался с запахами мочи и пота, кашель стариков и плач детей не давали спать...

Наконец появился окутанный дымом огромный паровоз. Казалось, что пассажиры, которые тоже ехали из Берлина в Гамбург, были вежливы, неторопливы и лучше одеты, чем остальные. Публика в поезде была спокойной и респектабельной. Как и в Кракове, раздался гудок, из трубы повалил дым... Хелена прильнула к окну. По перрону бежали люди и махали платками. Женщины плакали, мужчины протягивали им из окон руки...

Снова в окне замелькали поля и города. Начался холодный дождь, и в вагоне сразу стало очень зябко. Они сидели, прижавшись друг к другу...

Путь до Гамбурга был гораздо короче. Маленький поезд, который должен был доставить их в Бремен, уже стоял на перроне. На этот раз деления на первый, второй и третий класс не было, каждый садился где хотел. Тяжелый чемодан

Хелены еле поместился под сиденье, но спустя несколько часов трудное путешествие подошло к концу.

Уже покидая Гамбург, Августа опять разразилась причитаниями – она была в отчаянии от того, что скоро придется расстаться с дочерью. Хелена сухо ответила, что идея этого путешествия принадлежала не ей, и Августа замолчала, прижав к глазам платочек.

* * *

При виде парохода сердце Хелены забилося чаще, хотя она немного обеспокоилась, услышав об «агентствах эмиграции», которые обманывают наивных эмигрантов, чаще всего приехавших из Гамбурга. Выманив у них приличную сумму, агенты «высылают» куда-то своих жертв на утлых суденышках.

Внушительный вид парохода, на котором ей предстояло плыть, немного успокоил Хелену. Поднимаясь по трапу с Августой и Горацием, она заметила, что некоторых пассажиров заставляют спускаться на нижнюю палубу. Каюты там напоминали холодные и сырые деревянные ящики. Родители схватили ее за руку и повели к капитану: на этот раз Хелена решила повиноваться.

Капитан показался ей слишком молодым для своей должности. Его круглое, почти детское лицо обрамляли жидкие рыжие бакенбарды, а от взгляда его пронзительных незабуд-

ково-голубых глаз Хелене сразу стало не по себе. Молодой человек был невысокого роста, но держался очень высокомерно и властно и от этого казался гораздо выше. Но он внимательно выслушал и пообещал родителям Хелены приглядывать за ней до конца путешествия.

Настало время прощаться. У Горация и Августы больше не было ни минуты – их поезд уже ждал на перроне. Спешка помешала прощанию растянуться надолго: Августа бросилась на шею дочери, которая мягко, но твердо отстранилась. Потом Хелена обняла отца, изо всех сил напускавшего на себя равнодушный вид. Стоя на палубе, она провожала родителей глазами, пока их хрупкие силуэты не растворились среди толпы на пристани.

Старая жизнь закончилась. Начиналось новое время.

* * *

Зима 1892 года. Первые лучи солнца золотят горизонт, и плотный туман, окутывающий порт Бремерхафена, постепенно рассеивается. Силуэты огромных грузовых судов начинают проступать сквозь утреннюю мглу. Еще не развеялась рассветная розовая дымка, а на пристани уже началась суматоха. Едва различимые фигурки торговцев, моряков и будущих пассажиров мечутся вдоль набережной, сталкиваются друг с другом, суетятся.

Хелена зябко ежится, накинув на плечи шаль. От холода

стынут щеки, а резкий морской воздух, который она вдыхает полной грудью, кажется воздухом свободы, от которого кружится голова. Она дрожит в ознобе, словно от страха, но не покидает палубу. Она хочет запомнить этот отъезд, увидеть, как берег скроется из глаз, и посмотреть в лицо своей новой жизни.

Теперь уже день полностью вступил в свои права. Железные махины огромных пароходов, выпускающих из труб клубы дыма, четко видны на фоне синего неба. Грузчики толкают перед собой большие тележки, нагруженные ящиками, на которых крупно написано: *Napag*, *Krupp* или *Mannesmann*. Вдалеке разгружаются рыбачьи лодки. Ночь была для рыбаков удачной: прямо на земле бились всевозможные незнакомые Хелене рыбыны. Их запах привлекал множество чаетек, которые, резко крича, кружились над серебристой шевелящейся грудой... Девушка наклонилась и посмотрела в воду – темно-зеленая поверхность выглядела устрашающе. Она чувствовала запах йода и водорослей. Подняв взгляд, Хелена посмотрела на море – и странно: спокойная морская гладь не показалась ей страшной. Бремерхафен – внешняя гавань Бремена, был построен в устье Везера и защищен от сильных ветров и бурь. Эстуарий этой реки, длинный и довольно глубокий, был важным портом для Германии Второго рейха.

Итак, Хелене скоро исполнялось двадцать лет, и она отплывала на пароходе в Мельбурн навстречу своей удивительной судьбе... Она не знала, что ждет ее впереди, но была уверена: Австралия обязательно станет ее мостиком в прекрасное будущее.

Хелена уже была совсем взрослой барышней. Не красавица – она была очень маленького роста, едва ли метр пятьдесят, – но девушка не без определенного очарования. Свои иссиня-черные волосы она убирала назад и перехватывала лентой в цвет платья. Губы у нее были очень тонкие, глаза широко посажены, а нос с горбинкой придавал ей сходство с хищной птицей – потом она будет подчеркивать эту особенность. И все же эта миниатюрная девушка была необъяснимо притягательна. Возможно, чувствовался ее волевой характер, который выдавала слишком уверенная для ее возраста манера держаться. У нее был странный акцент – она картавила, острый аналитический ум и проницательный взгляд, который мог пронзить собеседника или же проскользнуть мимо. Она была неотразимо привлекательна всю жизнь...

Ее мечтам скоро суждено было сбыться. Австралия! Хелена практически ничего о ней не знала, но была уверена, что эта страна – рай для молодых девушек. С развитием мореходства эта часть света перестала быть недостижимой. Мо-

гучие империи были очень заинтересованы в Тихом океане, острова там были идеальными военными базами, пунктами телеграфной связи и местом добычи промышленного сырья. Голландия, Великобритания, Франция и Германия, недавно обозначившая свои интересы, — все хотели как можно быстрее установить там свой колониальный режим.

Хелену ждал долгий путь — семь недель в море. Уезжая, она мысленно прощалась с родиной, с родителями (которых увидит с тех пор всего один раз), с интеллектуальным Краковом, который окружал ее все двадцать лет, со своим гетто... Официально его уже не существовало, но квартал Казимирец, притулившийся между развалинами Вавельского замка из красного кирпича и старым городом, всегда был населен только евреями. Она прощалась и со своей первой любовью, что, впрочем, не было для нее трагедией. Несмотря на то что со временем Хелена стала рассказывать историю о разбитом девичьем сердце, реальность не была так романтична.

Она пыталась разумом оправдать свой отъезд. Поскольку в семье не было сына, а она была старшей из восьмерых детей, Хелена говорила себе, что нужно зарабатывать деньги и помогать родителям. И наконец, отъезд в чужие страны был своеобразным бегством от несчастий ее народа.

* * *

Евреям приходилось очень тяжело в то время. Шквал ан-

тисемитизма обрушился на Германию, Францию и Россию. После покушения на императора Александра II 1 (13) марта 1881 года царское правительство решило направить народный гнев против евреев. В преступлении была замешана молодая еврейка народоволка Геся Гельман⁷.

Последовала череда погромов на юге России. В Киеве 6 апреля 1881 года, в семь часов утра, разъяренная толпа заполонила улицы города, разоряя еврейские дома. К вечеру обстановка ухудшилась, потому что, прослышав о том, что грабят евреев, в город хлынули крестьяне из окрестных деревень. Равнодушие людей, не имевших прямого отношения к пострадавшим еврейским семьям, было удивительным. Надо сказать, что в то кризисное время негласно дозволялось по ночам совершать набеги на гетто – грабить, насиловать и даже убивать. Силы правопорядка закрывали глаза на это и не вмешивались.

Подобные зверства продолжались в России на протяжении двадцати лет. Польские евреи напуганы, но погромы не затронули Польшу, в частности Краков и окрестности, которые после третьего раздела Польши отошли к Австрии и Пруссии. Тогда много евреев из России и Польши бежали в Соединенные Штаты и Канаду. Для Хелены Австралия стала страной, где началась ее новая жизнь в прямом смысле этого слова.

⁷ Гельман, Геся Мироновна (1854–1882), приговаривалась к смертной казни, которая в связи с беременностью была заменена бессрочной каторгой.

Обширные австралийские земли, куда вместо британских каторжников приезжали теперь авантюристы всех мастей, сильно будоражили воображение Хелены.

Такое путешествие для совсем молоденькой девушки было очень опасным предприятием. Впрочем, ее независимый характер был надежной защитой. Возможно, именно благодаря свободной манере держаться и уверенности в своих силах она во время плавания на корабле получила целых три предложения руки и сердца. Она отклонила все три. Судьба ее была иной! Хелена не собиралась возвращаться на родину и была не из тех людей, что оглядываются назад.

Глава 3. Австралия

В порту Мельбурна царила необыкновенная суета, и Хелена не сразу поняла, что за девушка бросилась ей на шею, когда она сошла по трапу на пристань. Дочь дяди Луи, с которой она рассталась много лет назад, очень изменилась. Ее наряд показался Хелене немного смешным и старомодным, но ведь она стала настоящей ковбойкой, живущей в буше⁸ – Хелене и самой не терпелось поскорее побывать там. Дядя Луи, по-отечески поцеловав ее в лоб, подозвал двух старых заключенных, которые работали на него и брата, чтобы погрузить багаж на дно двуколки, которую тащили три лошади. Каторжники сели возле чемоданов, Хелена устроилась спереди на скамейке для троих человек, между Азарией и дядей Луи, который дернул поводья и прищелкнул языком. Повозка медленно тронулась...

Прием не показался ей особенно теплым. Конечно, кухня была очень счастлива вновь видеть ее, но дядю Луи Хелена почти не помнила. Она видела его всего два-три раза в Кракове, когда была совсем маленькой. Поэтому Хелена совсем не разочаровалась его сдержанностью – она была слишком счастлива, что наконец началась новая жизнь, о которой она столько мечтала. Азария же болтала без умолку: ей хотелось

⁸ Буш (от *англ.* bush – кусты, кустарник) – обширные неосвоенные пространства, поросшие кустарником или низкорослыми деревьями.

знать все о жизни в Кракове и об университете.

* * *

Старый Мельбурн, где старинные деревянные дома соседствовали с роскошными виллами, быстро остался позади. Долгая дорога от Мельбурна до Корелана показалась юной польке бесконечной. Но пейзаж ей понравился, ничего угрожающего вокруг она не чувствовала. Корелан расположен в штате Виктория, в двухстах пятидесяти километрах к западу от Мельбурна. Климат там самый мягкий на континенте, и течет множество рек, в том числе Муррей – самая большая река Австралии. Хелена вспомнила, как друзья перед ее отъездом описывали ужасный австралийский климат, и приготовилась к пересечению бесконечных пустынь. Но, к своему удивлению, обнаружила, что они проезжают зеленые леса, где росли эвкалиптовые деревья, гигантские папоротники и крупные кусты перечной мяты. Незнакомые запахи приятно щекотали ноздри. Ее все восхищало – вот коала ест листья эвкалипта, а за ее спину цепляется малыш; вот два огромных кенгуру выпрыгнули на дорогу прямо перед носом у лошадей, которые от неожиданности зафыркали и встали на дыбы... Хелена даже не могла вообразить себе таких птиц и зверей! Она с изумлением наблюдала за полетом больших и ярких розовогрудых какаду – все казалось ей прекрасным и замечательным...

Когда наступила ночь, дядя Луи наконец заговорил. Они въезжали на земли Зильберфельдов, окружавшие его *sheep station* – австралийское ранчо, где разводят овец. Хелена поначалу решила, что путешествие на этом окончено, но им пришлось проехать еще много километров, прежде чем вдалеке показалась громада дома. Ночь была очень темной, и брат дяди Луи вышел им навстречу с лампой в руке. Спина у Хелены разламывалась, и все так устали, что даже Азария наконец замолчала. Есть не хотелось, и Хелену сразу отвели в комнату, которая отныне станет ее спальней. Там она сняла шляпку, сбросила ботинки, скинула прямо на пол платье и, дрожа, легла на постель, даже не сняв нижней юбки и лифа. И тут же погрузилась в глубокий сон.

* * *

Когда она проснулась, солнце поднялось уже высоко. Все давно разошлись по своим делам. Землю за ночь покрыл тонкий слой снега, и теперь он постепенно таял под лучами зимнего солнца, обнажая зеленые ростки, которые, несмотря на холодное время года, уже изо всех сил тянулись ввысь. Потом Хелена, конечно, поняла, почему Викторию называли в Австралии штатом садов. Но она так никогда и не узнала, почему и как ее польский дядюшка поселился со своими овцами именно здесь.

Возможно, братья Зильберфельд пошли по тому же пути, что и все колонисты до них. В отличие от Сиднея, Мельбурн был основан двумя свободными поселенцами – Джоном Бэтманом и Джоном Паскоу Фокнером, которые в 1834–1835 годах обосновались на землях около устья реки Ярры⁹. Они назвали свою деревню по имени английского премьер-министра лорда Мельбурна. Богатые земли этого края привлекали все больше колонистов из соседней Тасмании. Но влекли их не столько зеленые пастбища и цветущие сады, сколько золотые прииски. После того как в 1851 году на севере Мельбурна нашли золотые самородки, туда сразу хлынули золотоискатели. Старатели приезжали со всех концов Европы, из Америки, Китая и, конечно, самой Австралии. Вначале они работали поодиночке, пробивая небольшие колодцы, но вскоре запасы золота на поверхности истощились. Старатели вынуждены были собираться вместе, чтобы пробивать глубокие шахты. С 1860 года в эти места стали приходить

⁹ Родившийся в окрестностях Сиднея Джон Бэтман (1801–1839) переехал в Тасманию, где занялся животноводством. Решив поселиться в деревне на северном берегу бухты Порт-Филипп, он убедил местных аборигенов подписать договор: ему отдавалось 400 000 га земли в обмен на разные товары. Сославшись на эту мошенническую сделку, он поселился на этой земле, но одновременно туда приехал другой тасманский колонист, его соперник Джон Фокнер, который, в отличие от Бэтмана, ничего не «покупал».

большие горнопромышленные компании, и рудокопов-одиночек становилось все меньше. Некоторые нанимались наемными старателями, другие возвращались домой, чтобы снова заняться животноводством.

Производство шерсти приносило немалый доход, и многие бывшие золотоискатели сделали состояние на меринсах.

Братья Зильберфельды, отпрыски семьи банкиров, тоже, вероятно, были привлечены золотыми приисками. Потом из диггеров¹⁰, таких же нищих, как и все остальные, они превратились в стокменов (австралийских ковбоев, которые пасли большие стада овец) и в конце концов купили свою собственную ферму.

В мемуарах Хелена рассказывает об этом по-другому¹¹. Луи Зильберфельд якобы был окулистом, но поскольку Колеран – городок маленький, работы было немного, и разведение овец стало его вторым занятием. В принципе возможно, что у него был свой лоток на рынке, где среди прочего продавались очки, ну а чтобы сводить концы с концами, он

¹⁰ От английского глагола to dig – рыть, копать. Диггерами в 1850-е годы называли золотоискателей. С 1914 года так стали называть австралийских солдат.

¹¹ Каждый эпизод своей жизни Хелена Рубинштейн излагала в нескольких вариантах. Она любила придумывать разные истории, но часто рассказывала об одном и том же происшествии по-разному во всех своих так называемых мемуарах – книге на английском языке «Жизнь за красоту», книге на французском – «Я – косметолог» и в биографии, написанной ее секретарем Патриком О'Хиггинсом.

завел стадо овец!..

* * *

Хелена быстро разочаровалась в жизни на ранчо. Она терпеть не могла деревенскую жизнь, еще больше – буш, эту сельскую Австралию, которая и сейчас является важнейшей сферой местной культуры. Еще хуже было то, что женщинам запрещалось заниматься какой-либо работой и они жили в полной праздности. Азария, которую Хелена называет «прекрасной бабочкой», хорошо приспособилась к этому беззаботному существованию, но для самой Хелены оно оказалось невыносимым. Была запрещена даже работа по дому, ведь заниматься кухней, чистить мебель, следить за прислугой – все это считалось неприличным для молодых девушек из хороших семей.

Одним словом, Хелена заскучала. Она, которая одна вела хозяйство целой семьи, да еще и участвовала в делах отца, не могла выносить это вынужденное безделье. Почти каждую ночь она плакала. Раздражало даже то, что могло бы стать приятным развлечением. Довольно быстро она стала искусной наездницей, но и это занятие допускалось только в виде легкой забавы. «Как я могла выносить верховую езду, когда все вокруг, казалось, просто родились на лошади?» – говори-

ла она впоследствии¹². Но больше всего она ненавидела ма-
нию младшего дяди таскать ее на пешие прогулки по окрест-
ностям. Это было очень утомительно: приходилось ходить в
туфельках на каблуках, потому что купить ботинки ей было
не на что.

Все шесть месяцев, что она провела в Колеране, Хелена
посещала начальную школу, которой руководили две старые
девы – барышни Круч и Аррояве. Там она начала изучать
английский. И именно там ей впервые стали говорить ком-
плименты за бледный цвет лица. «Новые друзья в Колеране
восхищались молочным оттенком моей кожи, – рассказыва-
ла она. – А ведь в Кракове все девушки были такими! Но в
Австралии женщины были загорелыми, с обветренными ще-
ками, так что моя бледность горожанки казалась им поразি-
тельной»¹³.

* * *

Была и еще одна причина для разногласий с дядей.

Луи Зильберфельд превратился в настоящего *ocker* (оке-
ра): у него появился австралийский акцент, его поведение
и мировоззрение полностью соответствовали ценностям ав-
стралийских рабочих и жителей буша. Он ценил прежде все-

¹² «Я – косметолог», *op. cit.*, с. 41.

¹³ «Жизнь за красоту», *op. cit.*, с. 42.

го океризм¹⁴, даже гордился своим стилем, немного в манере актера Пола Хогана, современного австралийского «Крокодила Данди». Такого поведения Хелена не выносила. Иногда она даже открыто смеялась над ним. Дружить с Азарией у нее тоже уже не получалось. Несмотря на то что девушки были очень привязаны друг к другу, они слишком долго прожили в разлуке, чтобы сохранить свою дружбу. Увлечение кузины жизнью в буше, о которой она столько восторженно писала Хелене в Краков, было непонятно молодой польке. Отец вырастил и воспитал ее не в материальной роскоши, но с любовью к богатствам искусства и науки. Хелена поняла, что устала от буша, огромного, бесконечного и негостеприимного, где эвкалиптовые леса чередовались с пустынями и солеными озерами. Она захотела уехать в город, и Азария не стала ее отговаривать.

Одно деликатное обстоятельство только укрепило это решение. Хелена заметила, что во время их бесконечных пеших походов по окрестностям, неуклюже суетясь вокруг *billy* – маленького котелка, в котором бушмены готовили себе чай на костре, молодой дядюшка не перестает восхищаться ее бледным лицом и большими темными глазами. Она будоражила в нем воспоминания о родной Польше... Он не мог больше противиться этому очарованию и в конце концов сделал ей предложение, пообещав блестящее будущее хозяй-

¹⁴ Австралийский вариант франкофильства. Приверженность тому, что считается австралийским образом жизни.

ки австралийской фермы. Такая перспектива и их разница в возрасте ужасали ее. Она категорически отвергла все его ухаживания.

* * *

Однажды Хелена прогуливалась по рынку в соседнем городке и познакомилась со старым аптекарем, который пригласил ее к себе работать. Она с восторгом согласилась. Неизвестно, что нравилось ей больше – сама работа или просто возможность чем-то заняться. Она увлеклась приготовлением лекарств, рецепты которых придумывала сама. «Надо признать, что это было моим предназначением – я умела готовить мази, травяные настои и притирания, – вспоминала она. – Я получала от этого огромное удовольствие, а еще больше мне нравилось изучать труды по фармацевтике, искать новые рецепты и формулы. Именно в то время я всерьез заинтересовалась химией и косметологией».

Но дядюшкам эта затея совсем не понравилась. Они считали, что это вполне достойное молодой польки занятие роняет ее в глазах австралийского общества. В конце концов Хелена была вынуждена отказаться от работы.

Ее ждали новые возможности: друзья дяди предложили Хелене стать гувернанткой их детей. И хотя нельзя сказать, что детей она любила больше всего на свете, все же это было спасением от скучной жизни на ранчо. Она сразу же уехала, и удача наконец улыбнулась ей. Это были очень приятные люди, которые относились к ней как к дочери.

Семейство дружило с лордом Лемингтоном, губернатором Квинсленда, и он часто бывал у них в доме. Вокруг этого английского лорда, человека очень заметного, собиралась компания космополитов, в основном европейцев. Многие молодые европейские дамы, особенно англичанки, жаловались на губительное действие австралийского солнца, ветра и пыли на их нежную кожу. Оказавшись в жестком австралийском климате, они очень страдали от того, что их лица покрывались загаром, а кожа грубела: загар тогда не был в моде. То, что у Хелены сохранялся нежный цвет лица, казалось им просто чудом. Хелена призналась, что никакого волшебства тут нет – все это результат материнской заботы. Она рассказала о чудесном креме, который мать потихоньку сунула ей в чемодан перед отъездом. Рассказ имел большой успех: теперь все хотели попробовать чудо-крем.

Хелена решила написать в Польшу и попросить прислать ей несколько баночек для молодых английских леди. Девуш-

ки были в восторге от действия крема: для того времени это было удивительно эффективное средство! Хелена думала о Модеске и Якобе Ликуски, который вместе со своим братом изобрел формулу этого крема. Она восхищалась тем, какое воздействие имеет на людей театр – серьезные специалисты-дерматологи бросают, пусть только на время, свои исследования, чтобы служить женской красоте!

* * *

В 1897 году Хелене исполнилось двадцать пять лет. Слухи о замечательном действии ее крема распространились по всему Мельбурну, и посылки из дома уже не могли угнаться за спросом. В ее голове предпринимателя зреет идея: она пишет братьям Ликуски с просьбой оказать ей любезность и прислать формулу крема. Ее предложение было принято. Тогда она нашла своего старого друга-фармацевта и предложила ему работать вместе: он должен был предоставить ей свою лабораторию для изготовления крема и помещение, чтобы продавать этот чудо-продукт. Для начала она предлагала поделить доход от продаж пополам. Старик согласился.

Аптекарь помогал Хелене доставать необходимые травы, миндальное масло и экстракт древесной коры. Поскольку у него была лицензия на изготовление мазей, то он предоставил девушке также и баночки. Вооружившись ступкой и пестиком, она взялась за дело.

Первые результаты были не очень убедительны. Крем получался то слишком жидким, то слишком густым. И что хуже – запах и цвет у него были довольно неприятные. Хелена работала днями и ночами, добиваясь нужного результата. Еще несколько недель – и она подобрала правильную дозировку всех ингредиентов. Так появилось на свет ее первое средство по уходу за кожей – крем *Valaze*. Немного улучшив формулу, она изобрела еще и утренний крем *Wake – Up Cream* «Крем после пробуждения». А потом еще один – *Jeunesse du teint* «Молодость кожи». Так появилась на свет первая серия косметики Хелены Рубинштейн!

Откуда появилось название *Valaze* («Валаз»), ставшее таким важным в истории марки *Helena Rubinstein (HR)*? Марио Прина¹⁵, подготовивший для Л’Ореаль хронологию самых важных в истории марки дат, утверждает, что это слово ничего не значит по-польски, но вот по-венгерски *valaze* означает «дар небес». Марио Прина считает, что венгерское происхождение братьев Ликуски могло бы стать объяснением. Но когда Патрик О’Хиггинс спросил у Хелены о значении слова *Valaze*, она ответила: «Да ничего оно не значит, просто звучит красиво».

¹⁵ Марио Прина был генеральным директором *Marylin S.r.l. Distribution* в Италии с 1953 по 1971 год, а потом генеральным директором *Helena Rubinstein Italia S.p.a.* с 1972 по 1985 год.

Глава 4. Приключения начинаются

Хелена работала без передышки. С утра и до поздней ночи она готовила крем *Valaze*, раскладывала его по баночкам, наклеивала этикетки, на которых от руки писала название, а потом выставляла на продажу.

В то время салонов красоты и парфюмерных магазинов еще не было. Аптеки были единственным местом, где женщины могли купить средства по уходу за кожей. Хелена обходила шесть или восемь аптек в неделю, предлагая им свой товар. Она твердо решила показать миру, а главное – своей семье, на что способна.

В Австралии у нее, в общем-то, друзей не было. Во время обходов аптек Мельбурна она знакомилась с разными молодыми людьми. Они, конечно, очень интересовались такой молодой и хорошенькой особой, к тому же деятельной и амбициозной, но ей никто из них не нравился. Если же кто-то начинал ухаживать за ней, все заканчивалось тем, что она заставляла несчастного работать на себя. Она очень быстро научилась использовать человеческую привязанность для процветания своего предприятия, и даже ее воздыхатели вынуждены были участвовать в работе! «Я заставляла их расставлять баночки и наклеивать этикетки. Потом они все упаковывали и развозили!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.